

лями. С четверть часа бродили мы по этому кладбищу героев, как вдруг мое внимание привлек труп не в солдатской шинели, а в желтой шведской куртке с офицерским снаряжением; он лежал на спине, раскинув руки. Я позвал солдат, они подбѣжали: "Он, он, ваше благородіе!.. Наш командир! Как шел, так и упал, видно, пуля, попала в самое сердце... Уж как мы вам благодарны, что помогли... Сейчас отнесем их в полк".

Они сдѣлали носилки из полотнищ палаток, натянув их на ружья, положили тѣло своего командира и медленно понесли.

Подойдя к прежней позиціи Вильманстрадцев, я с трудом ее узнал. Строеніи больше не видѣлось, все кругом было изрыто воронками от снарядов, кое-гдѣ дымились остатки пожарищ. Я спросил перваго попавшагося солдата, гдѣ штаб полка. Он вызвался меня проводить и привел к небольшой землянкѣ, наспѣх вырытой недалеко от того мѣста, гдѣ находилась халупа, в которой еще вчера он помѣщался; от нея осталась лишь полуобвалившаяся печная труба.

С трудом, согнувшись, влѣз я в землянку. Там на соломе лежал Павловскій; рядом с ним адъютант, между ними знамя. По сосѣдству телефонисты и связные налаживали небольшой блиндаж.

— Вот гдѣ вы теперь нас нашли... Помѣщеніе не очень удобное, даже не придется угостить вас чаем. Сегодня с утра нѣмцы открыли ураганный огонь, запалили нашу халупу, так что мы едва оттуда выскочили... Слава Богу, что знамя удалось спасти. Много народу перебили, но в атаку не переходили, видимо, чего-то опасались. Я буду держаться до конца, если не получу категорическаго приказанія отходить.... Бѣда только, что трясет меня безбожно, даже и коныачку нѣтъ, чтобы согрѣться..

Я с уваженіем смотрѣл на этого человѣка и думал: "Если бы всѣ командиры были на него похожи, навѣрное, нам не пришлось бы перенести то, что мы пережили..."

На другой день был получен приказ об отходѣ всего корпуса на Равку, вызванный неуспѣхом на участкѣ сосѣдняго корпуса. Павловскій с остатками своего полка, сведенным в баталіон, благополучно отошел с остальными частями дивизіи.

С. Мацлев

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

*Будущим поэтам, для меня безвѣстным,
Бог откроет тайну-правду обо мнѣ.*
Иван Бунин.

ГОД ТОМУ НАЗАД МЫ ПРОВОЖАЛИ БУНИНА

Мнѣ так и не пришлось узнать его в этой жизни. Не удалось пожать его руку, посмотреть в его глаза, услышать его голос.

А, кажется, всю жизнь мечтал об этом. Помню, еще совсѣм молодым человѣком, прочел его "Солнечный удар". И помню, как вдруг почувствовал себя этим самым обыкновенным, даже немного пустыньким, офицериком в пыльном, сонном и солнечном городѣ на Волгѣ, не знающим, что же ему "теперь" оставалось дѣлать, ошеломленным внезапной, может быть единственно - настоящей, любовью, которая совершенно для него неожиданно и стихійно родилась из привычной пароходной (или вагонной, или, просто, уличной) интрижки.

Родилась и раздавила пустынькаго и симпатичнаго офицерика. И я думал с ужасом, что же ему, бѣдному, "теперь" дѣлать?

Может быть в этом небольшом рассказѣ Бунинскій талант особенно цѣлостно превращает читателя в его героя. Впрочем Бунин вездѣ, даже в самых маленьких и по сюжету незначительных рассказах заставляет читателя жить и чувствовать драму своих персонажей. А Бунин драматичен необыкновенно. Драма пола и любви. Трагическое столкновение плотскаго и духовнаго начал, кончающееся почти всегда гибелью плоти, ея униженіем и пораженіем послѣ кажущейся побѣды над духом.

В этом лейт-мотив Бунинскаго творчества, главная особенность

И. А. Бунин в стокгольмскіе дни

его грандиознаго и оригинальнаго таланта. Скажу больше, не совѣм еще понятаго.

В старой Россіи его внутренняя свобода и равнодушіе к почти обязательным темам “гражданской скорби”, на которых дѣлали литературную карьеру его сверстники, родили в тогдашнем русском обществѣ по отношенію к Бунину нѣкоторую настороженность с отгнком враждебности.

Впрочем в своем “Господинъ из Сан-Франциско” Бунин пытался идти в ногу “с вѣком”. Но получилась одна из прекраснѣйших бунинских жемчужин, на которой пятнышком вѣлось сопоставленіе танцующих миллионеров с потѣющими внизу коцегарами. Как будто коцегары потѣли бы меньше, если бы на верху не танцевали миллионеры в смокингах, а мычали аргентинскіе быки? Больше к этим темам Бунин не возвращался.

Эта настороженность оставалась и в изгнаніи, хотя и перестала быть враждебной. Говорилось: большой писатель, но... В чем заключалось это “но”, никто не мог бы сказать. Так как его просто не было. Среди нас, в изгнаніи жил и творил, и среди нас же и умер, один из грандиознѣйших русских писателей, и, без всякаго сомнѣнія, самый большой писатель двадцатаго вѣка.

Умер он в ночь с седьмого на восьмое ноября прошлаго года в возрастѣ восьмидесяти трех лѣтъ, по своему обыкновенію не отпраздновав новаго юбилея. Старость удручала его и физически, и морально, и вѣроятно близости смерть, и своей неэстетичностью. Долго болѣл, вѣрнѣе угасал. Ему, привыкшему к солнечному югу Франціи, конечно, не подходил гнилой климат Парижа. А воспаление легких в его лѣта, уже само по себѣ, походило на смертный приговор. Кромѣ того он категорически отказывался от необходимаго переливанія крови. В этом отказѣ—весь Бунин, пантеист и христіанин одновременно.

Умер без страданій и, вѣроятно, не зная, что умирает, внезапно почувствовав себя нехорошо. — Миѣ очень нехорошо, — обратился он к Вѣрѣ Николаевнѣ Буниной, приподнимаясь на постели, — дай, я спущу ноги... Это были его послѣднія слова в этой жизни. Он съѣл и навсегда из нея ушел.

Хоронили его в слѣдующій четверг, 12-го ноября, в Александроневском Соборѣ.

Стоял чудный и теплый осенній день. Клены и платаны Курсельскаго бульвара как-то по-русски печально теряли желтые листья, совѣм, как в его “Темных Аллеях”. Осень в Парижѣ, пожалуй, время года болѣе других напоминающее Россію.

Я ѣхал один, с мыслью хотя бы прикоснуться к его гробу, не успѣвъ в этой жизни дотронуться до его руки. В переполненном соборѣ с трудом протиснулся поближе к гробу. Он стоял покрытый черным, с серебряным галуном, сукном и осенними цвѣтами, строгій и одинокій среди живых.

Первая часть православной панихиды напряженно трагична, так же, как вторая часть, послѣ тройнаго “аллилуйя” умиротворяюще печальна, а “Вѣчная память” уже просто предлагает продолжать жить. И всегда какая-то теплая радость разливается в душѣ и отражается на лицах. И только-что печальные и молчаливые люди дѣляются возбужденно-хлопотливыми, полными радости жизни.

И какой-то пожилой человек, вѣроятно причастный к церкви, все хлопотал у гроба, с котораго другіе люди убрали уже вѣнки и цвѣты, сокрушаясь, что некому будет выносить Бунина, и не выносить же его равнодушным служителям конторы похоронных процессій! Тогда я стал у гроба у ног, и когда мы его подняли — позади себя я слышал, как переключались друг с другом извѣстныя имена русской зарубежной литературы, среди которых я попал только лишь потому, что долго не мог отойти от гроба — и понесли, я оказался справа впереди и чувствовал тяжесть дубоваго гроба на лѣвом плечѣ.

А потом его увезли в автомобилѣ в Sainte Genéviève, и я поспѣялся съѣсть в автокар, в котором были еще мѣста, и люди, которые его провожали, пили водку в русской лавкѣ и говорили уже о своих дѣлах. Я тоже пил водку, но думал о том, как его мчит быстрходный автомобиль-катафалк по асфальтовым дорогам, непохожим на проселочныя дороги Орловской губерніи, как откроется вдруг на горѣ бѣлая церковь с синей луковкой, окруженная тополями на фонѣ пожелтѣвшаго лѣса, за оградой которой его уже ждет глубокая, вырытая в коричневой глинѣ, яма. И думал, что все это было так же необыкновенно просто, как у него самого. Жизнь, любовь, смерть!

И еще о том, что когда-нибудь, когда русскій народ начнет собирать по міру свое разсѣянное и разграбленное богатство, тот гроб, который я только что нес, уже полуистлѣвшій, может быть, и заключенный в новый гроб, другіе русскіе люди понесут на плечах по русским улицам, новые вѣнки и цвѣты будут его украшать, и хор впереди медленный и торжественный, будет пѣть “Коль Славен наш Господь в Сионѣ, не может изяснить язык”!

Евгеній Яконовскій.

ИВАН АЛЕКСѢВИЧ БУНИН

Позабыло, сердце, позабыло,
Многое, что нѣкогда любило.
Только гѣх, кого уж больше нѣтъ,
Сохранился незабвенный слѣд.

Ив. Бунин.

С памятью Ив. Ал. у меня много связано. Послѣ войны он *первый* привѣтствовал мое выступленіе в печати. Он внушил миѣ мысль написать повѣсть “Нищій принц”. Написал миѣ: “Не только совѣтую, но даже прошу писать повѣсть”. С именем Бунина у меня связана лучшая пора жизни, лучшія воспріятія русской прозы. Когда еще в 1948 году я написал Ивану Алексѣвичу письмо, напомнив наше мимолетное и короткое знакомство на югѣ, в страшные годы русской смуты, — он немедленно откликнулся и прислал миѣ книгу своих стихов. Потом еще ряд книг. Я счастлив, что имѣю от Ив. Ал. двадцать три письма, фотографию с надписью, книги с его ласковыми строчками, написанными уже дрожащей рукой. А какія письма! Всюду он спрашивает, как мое здоровье, какіе планы на будущее, что собираюсь печатать, как двигается повѣсть. И всюду неизмѣнная привѣтливость, ласковость: